ПЕРВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ КНИЖКѢ

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Николая Кокшарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Яковсона (В. О., 9 л., № 8).
1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го Января 1879 г.

Возвращеніе въ замокъ Ш—нъ.

Исчезли горы... Лѣсъ, рѣдѣя,
Знакомый сердцу видъ открылъ, —
Душѣ вдругъ стало веселѣе
И даже горе я забылъ!...
Вотъ Ш—на пёстрыя поляны
И древній замокъ на скалѣ,
И католическіе храмы
Въ тѣни раскинутомъ селѣ! —
Вотъ и аллея Непомука,
Гдѣ я съ мечтой бродилъ не разъ,
Не зналъ гдѣ я, что значитъ скука —
Не видѣлъ скорби слёзныхъ глазъ!
Всё въ Ш—нѣ также, какъ и было,
Всё цвѣтомъ розовымъ цвѣтётъ,
Очаровательно и мило, —
Знать добрый Геній въ нёмъ живётъ!

Солнечные лучи.

(Петру Владиміровичу Жуковскому, въ отвѣтъ на его экспромптъ.)

Всё тотъ-же Вы, поэтъ избранный;
Любимецъ Музъ, ихъ гость желанный, —
Любезны, милы и добры
И снисхожденія полны! . . .
Привѣтъ Вамъ мой и благодарность
За остроумный Вашъ экспромптъ! —
Моя Парнасская бездарность
Предъ нимъ становится во фронтъ! . . .
Не смѣя вымолвить словечка,
Она поникла головой,
Хоть бьётся бѣдное сердечко,
Хоть пѣть Васъ хочется душой! . . .
Вы „таете“ (сказать я смѣю)
Отъ призмы свѣтлыхъ плоскостей . . .
Читая Васъ, — я пламенѣю
Отъ блеска солнечныхъ лучей! . . .

Не думалъ я!

(Якову Карловичу Гроту, въ отвѣтъ на его поэтическое посланіе.)

Давно, давно... Въ тотъ вѣкъ златой,
Когда кипѣлъ ключъ чувствъ сердечныхъ, —
Въ дни юныхъ лѣтъ — лѣтъ скоротечныхъ,
Я пѣсни пѣлъ любви святой...
То пѣсни простенькія были,
Не отличались новизной,
Не красовались остротой,
Хоть и отъ сердца исходили!...
И можно-ль было мнѣ писать
Стихи, безъ правилъ стихотворства?
(А съ ними, видите, знакомства
Я до сихъ поръ не могъ связать!...),
Украдкой пѣснь моя писалась,
Её я долго не искалъ, —
Она сама собой слагалась
И риѳмъ я къ ней подбиралъ!...
Вы правы, нашъ піитъ маститый,
Мой сотоварищъ знаменитый,
Въ той пѣснѣ много есть грѣховъ —
Хромаетъ складъ моихъ стиховъ!
Но грѣшныхъ нѣтъ въ ней помышленій...
Любовь моя была чиста, —
Святая то была мечта,
Владѣлъ тогда мной добрый геній!...

И такъ я могъ-ли ожидать,
Что-бъ Вы, желанный гость Парнасса,
Гдѣ коронуете Вы Тасса,
Державина и всю такую знать, —
Вы?! — Нашъ ораторъ несравненный,
Въ вѣнкѣ лавровомъ на челѣ,
Благоволили бросить мнѣ
Съ него листочекъ незабвенный?! . . .
Какъ оцѣнить такую честь,
И доброту и снисхожденье? . . .
Спѣшу, спѣшу благодаренье
Отъ всей души Вамъ я принесть!

Не думалъ я, пѣвецъ смиренный,
Что-бъ скромная моя свирѣль,
Что-бъ незатѣйливая трель —
Могли зажечь въ комъ огнь священный! . . .

Волшебный Островокъ.

(Ш—скому Тріо.)

Среди волненій океана,
Порой, гдѣ бурныхъ водъ потокъ
Несётъ ладьи большаго стана,
Лежитъ волшебный островокъ.
На нёмъ три Феи обитаютъ,
Какихъ давно не видѣлъ свѣтъ, —
Всѣ отъ души ихъ восхваляютъ,
Отъ сердца всѣ имъ шлютъ привѣтъ! . . .
На морѣ бури, непогоды —
На островкѣ ни шелохнётъ! —
Живутъ тамъ мирные народы,
Всё дружно, весело идётъ! —
Концертъ на островѣ согласный —
Какое дѣло, что трехгласный! . . .
У Фей гармонія — законъ,
И чутокъ старшей камертонъ! . . .
Всё здѣсь плѣнительно и мило —
Здѣсь пѣсни стройныя поютъ . . .
За то и островокъ зовутъ:
„Очаровательное Тріо“.

Суровая головка.

(Е. В. Ак—вой.)

Тайкомъ пріятно изучать
Вашу суровую головку —
И эту хитрую уловку
Люблю я часто повторять! . . .
Въ лицѣ и умъ и выраженье,
Во взорѣ — фальши никакой!
Ваше радушье, нравъ прямой
Меня приводятъ въ восхищенье!

Юной пѣвицѣ.

(И. Л. Гр—гъ.)

Судьба Вамъ жребій шлётъ чудесный! —
И лавръ готовитъ свой листокъ,
И розы просятся въ вѣнокъ
Пѣвицы юной и прелестной!

Визитъ къ другу.

(В. В. Со—ву.)

Карльсбадскихъ водъ очистивъ стклянку,
Спѣшилъ, летѣлъ прямо къ тебѣ, —
И, по обычному порядку,
Съ тетрадкой толстой при себѣ!
Хозяинъ дома?
Дома нѣтъ!
Кто-жъ дастъ мнѣ дружескій совѣтъ, —
Кто перечтётъ стиховъ три тома? . . .
Рѣшилъ тебѣ оставить, другъ,
Бредъ минеральныхъ водъ леченья, —
Читай, да только чуръ не въ слухъ,
Мои водяныя творенья!

Прошедшія радости.

Гдѣ вы радости незабвенныхъ дней?
Годы, — гдѣ вы благодатные? . . .
Вы прошли на вѣкъ, невозвратные,
И опять тоска на душѣ моей! . . .

Память сердца.

Въ тѣ дни, когда бывало снились
Мнѣ восхитительные сны,
Когда въ душѣ моей гнѣздились
Надеждой полныя мечты,
Когда я таялъ предъ красою
И въ сердцѣ огнь любви пылалъ, —
Съ какимъ я трепетомъ искалъ,
Влекомый сладкою мечтою,
Себѣ магическій билетъ, —
Взглянуть, чтобъ только на балетъ! . . .

Прошли года — я измѣнился,
Какъ измѣнило счастье мнѣ,
Съ балетомъ на яву простился, —
Но онъ мнѣ грезится во снѣ! . . .

Чудный сонъ.

(Княгинѣ Н. С. Б—не.)

На дняхъ мнѣ снился сонъ чудесный,
Какихъ давно я не видалъ . . .
Съ тѣхъ поръ ликъ женщины прелестной
Меня на мигъ не покидалъ!
Съ тѣхъ поръ я часто, часто слышу
Знакомый голосъ, шумъ шаговъ . . .
Увы! Теперь только я вижу
Всю гибельность подобныхъ сновъ! . . .
Я бредъ мой, вѣчно сердцу милый,
Повѣдаю Вамъ не спѣша,
Какъ человѣкъ сѣдой и хилый —
Остыла кровь въ комъ и душа! . . .

Въ какой странѣ, въ какомъ селеньи —
Я не съумѣю Вамъ сказать, —
Былъ замокъ, всѣмъ на удивленье,
Какихъ перомъ не описать! . . .
Вотъ вижу мчится колесница,
Полна и злата и камней,
И замка дивнаго царица
Сама въ ней правитъ лошадей.
Лихіе кони рвутся въ полѣ,
Готовы тѣшить ѣздока,
Послушны впрочемъ его волѣ —
Могуча женская рука!

И всё мгновенно оживилось
Развеселилася страна,
Вокругъ всё розами покрылось —
Настала будто-бы весна! . . .
Сперва я, жрецъ наукѣ вѣрный,
Въ толпѣ скромнёхонько стоялъ,
Но вдругъ, восторгомъ упоенный,
За колесницей побѣжалъ! . . .
Лечу стремглавъ, не взвидѣвъ свѣта,
Ну, точно въ юныя лѣта,
(Что мнѣ густые эполета, —
Свалились съ плечь моихъ года!) . . .
И только лишь настигъ царицу,
Какъ снова молодцомъ я сталъ,
Вспрыгнулъ въ златую колесницу —
И рядомъ съ чудомъ поскакалъ! . . .
Владѣютъ мной мечты, желанья —
Опять кипитъ вся въ жилахъ кровь!
Мнѣ сладко женское дыханье —
Опять надежды и любовь! . . .
И вотъ мы ѣдемъ . . . Дальше, дальше . . .
Мелькаютъ сёла, города . . .
Въ бѣгу коней нѣтъ капли фальши —
Вполнѣ волшебная ѣзда! . . .
Ну вотъ и въ Новомъ Вавилонѣ! —
Царицей всѣ восхищены,
Толпы у озера, въ Булонѣ,
И сбруею удивлены.
Рубины, яхонты, брильянты,
Какъ будто въ сказскахъ иль во снѣ! —
Кричатъ Парижскіе всѣ франты:
Voyez cette femme! Ces beaux harnais!

Моимъ я мѣстомъ возгордился
И былъ уже на небесахъ . . .
Какъ вдругъ сквозь землю провалился —
И всё разбилось въ пухъ и прахъ! . . .

Проснулся . . . Всюду предо мною
Царитъ нѣмая тишина, —
И, надъ сѣдой моей главою,
Ужъ брезжетъ лучь другаго дня! . . .

Запятыя.

(С. С. Ан—вой.)

Ужъ эти, право, запятыя —
Не мало бѣдъ онѣ творятъ! . . .
Какъ вспомню я года былые,
Такъ предъ глазами запятыя
Будто солдатики стоятъ! . . .
Вотъ и въ сегоднишнемъ писаньи
Моемъ, о Штейнѣ дорогомъ,
Стоятъ на мѣстѣ не своемъ
Всѣ эти знаки препинанья! . . .
Листокъ я новенькій Вамъ шлю,
Листку старинному на смѣну.
Простите! — Васъ о томъ молю, —
Мнѣ за такую перемѣну.

ТОСТЪ.

Дерзая тостъ, притомъ въ стихахъ,
Въ честь возгласить хозяйки замка —
Я ощущаю уже страхъ
Съ начала рѣчи — съ позаранка! . . .
Величія и красоты
Привыкли, съ дѣтской колыбели,
Не къ пѣснямъ простенькой свирѣли,
А къ гимнамъ свѣтской высоты! . . .
Но и онѣ, какъ-бы ошибкой,
Въ мѣстахъ царятъ гдѣ плугъ, соха,
Внимаютъ пѣснѣ пастуха —
Дарятъ его своей улыбкой! . . .
Ахъ! Если-бъ и моя свирѣль
Пришлась сегодня вамъ по сердцу
И скромной пѣсни моей трель
Могла открыть къ веселью дверцы! . . .

Всѣ замка вѣрные друзья
Сегодня дружно, въ общемъ сборѣ,
Справляютъ праздникъ на просторѣ,
Семнадцатое Сентября, —
День имянинъ царицы Штейна,
Въ странахъ прелестныхъ Траунштейна.
Намъ милы всѣмъ эти страны —
Ничто въ нихъ радостей не губитъ . . .

Мы Штейномъ всѣ восхищены —
Его невольно сердце любитъ! . . .
Чудесъ всѣхъ Штейна трудно счесть,
Ихъ наберётся въ нёмъ не мало! —
Здѣсь чувство дружбы не увяло,
И музыка и живопись здѣсь есть! —
Поэта лишь не доставало . . .
И тотъ явился, чтобъ прочесть
Стихами наше поздравленье
Хозяйкѣ — всѣмъ на удивленье!
(Поэтъ нашъ плохъ . . . Каковъ ужъ есть . . .
Къ нему имѣйте снисхожденье!) . . .

Ей, ей, ума не приложу,
Откуда въ Штейнѣ всё берётся?! . . .
Мнѣ право, Господа, сдаётся, —
Вамъ по секрету я скажу,
Что замокъ сей не просто Stein, —
Не просто камень Траунгорскій,
А тотъ желанный Weisen-Stein —
Тотъ дивный камень философскій,
Котораго, ужъ столько лѣтъ,
Сыскать не могъ учёный свѣтъ! . . .

Высокородный нашъ Хозяинъ
Въ наукахъ, слышно, тоже баринъ! —
Онъ химикъ, физикъ, геологъ,
Кристаллографъ, минералогъ, —
Надежда путь ему свѣтила . . .
Такъ мудрено-ль, скажите, было
Ему всѣ Альпы разузнать,
Что-бъ чудо-камень отыскать?! —

Осуществить души мечтанье,
Всей жизни пылкое желанье! . . .
И чудо-камень найденъ имъ —
Онъ талисмана властелинъ! . . .
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ Князь имѣетъ
Свой замокъ Штейнъ дорогой,
Сокровищемъ ужъ онъ владѣетъ —
Очаровательной женой! . . .

Что намъ здѣсь весело живётся,
О томъ мнѣ нужно-ль говорить?
Прощаясь съ Штейномъ, намъ придётся
Потоки горькихъ слёзъ пролить!
Сегодня-жъ, къ небесамъ съ мольбою,
Здоровье имянинницъ пить
Мы будемъ — съ радостной слезою! . . .

Сперва позвольте крикнуть мнѣ:
Ура! Княгинѣ Бо—не,
За тѣмъ Ура! ея сестрицѣ —
Прелестной Штейенской пѣвицѣ,
А тамъ . . . (не правда-ли, пора!),
Хозяйки вдохновившись взоромъ,
Намъ грянуть общимъ, громкимъ хоромъ —
Хозяину съ семьей его — Ура!!! . . .

ТОСТЪ.

Друзья! Сегодня суждено
Мнѣ съ Ш—номъ милымъ распроститься . . .
Такъ, видно, свыше рѣшено,
Мнѣ остаётся — покориться!
Прощай, гостепріимный край,
Жилось гдѣ всѣмъ намъ такъ привольно, —
Прощай, Альпъ гордыхъ дивный рай! . . .
Не удивляйся, что невольно
Припоминаю я привѣтъ,
Съ какимъ мы встрѣчены здѣсь были . . .
Мы въ Ш—нѣ душу отводили
И забывали въ нёмъ весь свѣтъ! . . .
Мнѣ Ш—скія очарованья
Знакомы впрочемъ и давно! —
Запало въ сердцѣ глубоко
О нихъ на вѣкъ воспоминанье! . . .
Бывало грустно, мраченъ умъ,
Въ разгарѣ золъ житейскихъ драма,
Покоя нѣтъ отъ тяжкихъ думъ —
Летитъ ужъ къ Ш—ну телеграмма! . . .
Цѣлебенъ Ш—скій климатъ,
Хозяева сулятъ услады, —
Отвѣтъ ихъ простъ, но тороватъ:
„Къ намъ пріѣзжайте — очень рады!“ . . .

Бывало какъ стрѣла летишь,
Чтобы застать поѣздъ желѣзный,
И нетерпѣніемъ горишь
Увидѣть Ш—нъ безмятежный! —
А въ Ш—нѣ . . . горе всё прошло —
Опять завѣтныя мечтанья! . . .
Какъ будто солнышко взошло —
Въ душѣ покой и упованья! . . .

Прощаясь съ Ш—номъ, можно-ль мнѣ
Не принести благодаренья
Хозяину, его семьѣ,
За дружбу ихъ и снисхожденье? . . .
Добро возможно-ли забыть? . . .
И такъ позвольте, на прощаньяхъ,
Въ честь ихъ, при лучшихъ пожеланьяхъ,
Мнѣ этотъ тостъ провозгласить!

ТОСТЪ.

Друзья! Боюсь я Вамъ набить
Оскомину рѣчами . . .
Но какъ опять не говорить? —
Хозяйка между нами! . . .
Себя не въ силахъ одолѣть,
Чтобъ ей не поклониться! —
И кто-бъ изъ Васъ могъ уцѣлѣть
Въ неё чтобъ не влюбиться? . . .
Магичны чудный ея взоръ
И нравъ неколебимый! . . .
Её давно, — съ которыхъ поръ, —
Зовутъ **неотразимой!**
Меня чарующій потокъ,
Какъ всѣхъ, съ собой уноситъ,
И чувствъ сердечныхъ моихъ токъ —
Улыбки ея проситъ! . . .
И вотъ второй сегодня разъ
Привѣтъ немногословный
Дозвольте выразить за Васъ
Хозяйкѣ благосклонной! . . .
Спасибо сердца Ей сказать
За всѣ благодѣянья —
Просить Её отъ насъ принять
Завѣтныя желанья! . . .

Примкните-же, друзья, ко мнѣ,
И, полной, полной чашей,
Здоровье выпьемъ Бо—не,
Княгини милой нашей!

Приглашеніе.

(Е. З. Б—нъ.)

Мы депутацію послали
Привѣтствовать съ рожденьемъ Васъ,
И вмѣстѣ съ тѣмъ ей наказали:
Просить Васъ — осчастливить насъ! . . .
Въ честь Вашу рѣшено, въ соборѣ,
Сегодня праздникъ сотворить; —
Друзья желаютъ, въ общемъ сборѣ,
Васъ, какъ умѣютъ, угостить,
Вамъ сердце, душу ихъ открыть
И съ Вами вмѣстѣ покутить! . . .

Не откажите-жъ намъ, драгая,
Пожертвовать завѣтнымъ днёмъ,
Готова тройка удалая —
Мы съ нетерпѣніемъ Васъ ждёмъ!

14-го Декабря 1878 г.
С.-Петербургъ.

ТОСТЪ.

Мы празднуемъ сегодня Юбилей
Не безпорочной, тяжкой службы
Начальника . . . (по модѣ нашихъ дней)
Но Юбилей нѣжнѣйшей дружбы,
Безъ помпы и другихъ затѣй! . . .
Нашъ праздникъ скроменъ, не блистаетъ
Толпой несмѣтной . . . пушекъ громъ
Гостей въ нёмъ слухъ не поражаетъ, —
За то веселья — полонъ домъ! . . .
На старенькой своей свирѣли,
Въ замѣнъ оркестра, пастушокъ
Выводитъ простенькія трели:
Нашъ невзыскателенъ кружокъ!
Онъ снисходительностью дышетъ,
Любовью, дружбой увлечёнъ
(Имъ даже Кокшаровъ прощёнъ,
Хоть и стихи плохіе пишетъ!)
Всѣ предались одной мечтѣ —
Той Юбилей достойно справить,
Кто такъ могла привлечь къ себѣ
И обожать себя заставить!
Чье сердце, нравъ, пріятный умъ
Единодушно всѣ цѣнили,
Безкозырей съ кѣмъ на-обумъ
Играть мы въ карточки любили! . . .

За всѣ грѣхи ей отомстить
Сегодня всѣ мы согласились, —
Принарядились, прифрантились,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ покутить! —
Сказать небрежными стихами
Ей задушевный нашъ привѣтъ
И дружбы вѣрными руками
Ей поднести цвѣтовъ букетъ! . . .

Цвѣты среди метели снѣжной?! . .
Весенній гость среди зимы —
На горизонтѣ сѣдины
Лѣтъ юныхъ отблескъ безмятежный! . . .
Не тоже-ль самое нашъ другъ
Собой теперь намъ представляетъ? —
Ему чуждъ старческій недугъ,
Хоть сердце много лѣтъ страдаетъ! . . .

Однако-жъ, Господа, до лѣтъ —
Не правда-ли? — намъ дѣла нѣтъ!
Мы праздникъ дружбы здѣсь справляемъ . . .
Казенной службы Юбилей
Полвѣковыхъ прошедшихъ дней
Въ примѣръ себѣ брать не желаемъ!
Пѣснь **вѣчной дружбѣ** я пою . . .
Она въ Евгеніи не вянетъ,
И всякій, кто на Бр—нъ взглянетъ,
Мнѣ скажетъ — правду говорю! . . .
Давно, друзья, её мы знали:
Нравъ кроткій, прелесть, доброта
Царили въ ней во всѣ лѣта
И всѣхъ и каждаго плѣняли! —

Давнымъ-давно рѣшилъ Совѣтъ:
Милѣй на свѣтѣ Бр—нъ нѣтъ! . . .
И вотъ посламъ мы предписали
Её сюда перенести . . .
Хотѣлось душу отвести! . . .
Мы къ Юбилею подстрекали
Ещё за тѣмъ (нельзя-жъ солгать),
Чтобы её — разцѣловать!
(Признаться также, мы мечтали
Её и въ карты обыграть!)

Вотъ сколько радостей желанныхъ
Сулитъ сегодня намъ судьба! —
Клико заискрилось въ заздравныхъ, .
Желаній — цѣлая гурьба! . . .
И такъ, друзья, за здравье выпьемъ
Мы нашей Бр—нъ дорогой,
Ура! ей дружнымъ хоромъ крикнемъ,
Ей пожелаемъ вѣкъ златой!

На обѣдѣ, данномъ въ честь Ея Превосходительства Евгеніи Захарьевны Бр—нъ ея друзьями, 14-го Декабря 1878 года, въ гостинницѣ Демутъ, въ С.-Петербургѣ.

Превратности жизни.

(С. С. Ан—вой.)

Едва лишь солнце заблистало
И лучь его всѣхъ оживилъ,
Какъ буря воздухъ взволновала
И видъ полей опять унылъ! . . .
Не тоже-ли и въ жизни нашей
Намъ суждено всѣмъ испытать, —
И часто горестною чашей
Отрады сердца запивать? . . .
Кто былъ, скажите, вѣчно веселъ,
Отъ бурь житейскихъ защищёнъ?
Чей горизонтъ былъ вѣчно свѣтелъ
И тучами не омрачёнъ? . . .
Но я желалъ бы всей душою,
Чтобъ горизонтъ Вашъ ясенъ былъ, —
И чтобъ надъ Вашею главою
Хранитель-Ангелъ вѣкъ парилъ!

Людскія слабости.

(С. С. Ан—вой.)

Куда какъ страненъ человѣкъ, —
Вѣнецъ земнаго мірозданья, —
Въ погонѣ за мечтою вѣкъ
И безъ границъ его желанья! . . .
Чего казалось-бы искать
Намъ, избалованнымъ судьбою,
Которымъ удалось ужъ стать
Здѣсь въ жизни твердою стопою? . . .
Но притязаньямъ нѣсть конца! . . .
Червь самолюбія насъ точитъ
И каждый что нибудь да проситъ
У всемогущаго Творца!
Всѣхъ за мечтой бѣгущихъ братій
Едва-ли можно перечесть, —
Всѣ мы стремимся въ гору лѣзть,
По выше стать желаетъ всякій! —
Надеждой всѣ увлечены,
Всѣ быть хотятъ богаче Креза
(Хоть, часто: счёты сведены —
Въ итогѣ, смотришь, только греза!)
Не тоже-ль точно и со мной? . . .
Чего ещё мнѣ добиваться? . . .
Учёнымъ быть — вотъ жребій мой,
Учёнымъ слѣдъ и оставаться!

Пріёмъ радушный, — да и честь:
Въ Туринѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ . . .
Мнѣ въ Академьяхъ кресла есть
(Усталъ я — есть на чёмъ присѣсть)
Скажите чѣмъ другихъ я ниже?
Такъ нѣтъ! — Давай стихи творить,
Въ столицахъ, замкахъ и деревнѣ, —
И всё, чтобъ только угодить
Прелестной Софіи Сергѣвнѣ!

Никогда не отучиться.

(С. С. Ан—вой.)

Вотъ утра свѣтъ, заря блистаетъ,
Вершины горъ позлащены,
Привѣтно солнышко сіяетъ —
Всѣ имъ опять оживлены!
Вашъ почитатель неизмѣнный
Хотѣлъ ужъ гимнъ Вамъ утра пѣть,
Но прямо въ сердцѣ уязвленный,
Никакъ не могъ съ нимъ совладѣть! . . .
Отъ ревности съума сошедши,
Одно всё бредитъ: Вы добры,
Очарованія полны,
А онъ — всё тотъ же съумашедшій! . . .
Что суждено Вамъ вѣкъ блистать,
Ему-жъ . . . въ Васъ по уши влюбиться! —
И никогда не отучиться
Стихи плохіе Вамъ писать!

Муза въ бѣгахъ.

(С. С. Ан—вой.)

Сегодня раннею порою,
Собрался было я писать
Вамъ пѣснь обычною чредою
И Музу сталъ ужъ поджидать —
Анъ, глядь, а Муза подъ горою! . . .
Я ей во слѣдъ кричать, взывать —
Куда! — мелькаютъ только пятки,
Да слышны возгласы порой:

„Съ меня сегодня взятки гладки —
„Сегодня праздникъ, сударь мой!
„Не крѣпостная-жъ я какая —
„Съ тобой сидѣть по цѣлымъ днямъ!“

Ну, вотъ тебѣ и запятая! —
Урокъ-то какъ-же я свой сдамъ? . . .
Подумалъ, погадалъ, рѣшился
Къ моей работѣ приступить,
Но, безъ подруги, какъ ни бился, —
Не могъ я пѣсни сочинить!

Меня прошу въ томъ извинить! . . .

Пожаръ сердецъ.

(С. С. Ан—вой.)

Лишь изъ Мороея Вы объятій
Успѣли вырваться, какъ Васъ
Ужъ ждутъ объятья Ш—скихъ братій,
И лавры и цвѣтовъ запасъ! . . .
Отъ всей души и съ увлеченьемъ
Спѣшатъ Вамъ чувства всѣ излить,
За Васъ всѣ даже, съ наслажденьемъ,
Готовы кровь свою пролить! . . .
Всѣхъ впереди людъ юный, бравый,
За нимъ и мы туда-жъ впередъ —
Всё движется, кричитъ, поётъ,
И завязался бой кровавый! . . .
Всѣ отъ любви сошли съ ума,
Всѣ въ женскія попались руки, —
Забыты разумъ и науки,
И торжествуетъ Сатана! —

„Друзья! — Умѣрьте ваши страсти!“

Вы восклицаете порой, —

„Не разорваться-жъ мнѣ на части! —
„Идите, Богъ съ вами, домой!“

Куда! — Ещё сильнѣе пламень! —
Пожаръ сердца всѣхъ охватилъ,
Хозяинъ сколько ни молилъ,
Остались твёрды всѣ, какъ камень!
Уфъ! . . . Жарко! . . . Что грѣха таить:
Горятъ сердца, что твоя Плевна!
Амуръ лишъ можетъ ихъ тушить —
Зажгла сердца Софья Сергѣвна!

Послѣдній карильёнъ.

(С. С. Ан—вой.)

Карильёнъ, карильёнъ —
Замираетъ твой тонъ!
Всё прошло, будто сонъ,
И опять классный звонъ
Мрачно слухъ поражаетъ!

Мнѣ не по сердцу онъ,
Монотонный трезвонъ,
Хоть давно съ нимъ знакомъ! —
Шалуновъ онъ вѣдь сонмъ
Въ школы къ намъ созываетъ!

Не гремитъ пока громъ,
Перебраться-бъ тишкомъ
Въ Академіи домъ —
Тамъ, авось, карильёнъ
Снова мой заиграетъ!

На башнѣ звонъ.

(С. С. Ан—вой.)

На башнѣ звонъ,
Часы играютъ,
Ихъ карильёнъ
Напоминаетъ,
Что въ 7 часовъ
(Кто-жъ то не знаетъ?)
Плохихъ стиховъ
Ш—нъ ожидаетъ! . . .

* * *

Сей утра звонъ
Меня онъ будитъ,
Съ тѣхъ поръ знакомъ,
Какъ сердце любитъ . . .
Но карильёнъ
Со Ш—скихъ башенъ,
Какъ пушекъ громъ,
Порой мнѣ страшенъ!

* * *

Что-жъ мраченъ тонъ? —
Знать вѣтръ бушуетъ! . . .
Я утомлёнъ,
Душа тоскуетъ,
Знакомый звонъ
Меня волнуетъ —
Вотъ и пассуетъ
Мой карильёнъ!

Не лучше-ль подождать?

(С. С. Ан—вой.)

Вчера лёгъ спать близь полуночи,
А третьяго дня въ пять часовъ,
Сегодня всталъ я въ шесть часовъ —
Не до стиховъ! — Ей, ей нѣтъ мочи! . . .
Въ добавокъ утромъ написалъ
Женѣ длиннѣйшее посланье,
Порою и о Васъ мечталъ, —
Мое примите покаянье! . . .
Однако жъ, чтобъ не отступать
Отъ правилъ и блюсти порядки,
Я всё-жъ засѣлъ стихи писать,
Хоть врядъ-ли выйдутъ они гладки! . . .
Вчера запасъ весь истощилъ,
Такъ что-жъ сегодня пѣть я буду? —
Милѣйшему Ш—на люду
Вчера всю душу я открылъ! —
Къ тому-жъ нравъ Музъ порою чуденъ
И доступъ къ нимъ, какъ ни ловчусь,
Какъ ни стараюсь, ни верчусь,
Какъ къ сердцу Вашему, мнѣ труденъ! . . .
И такъ не лучше-ль подождать? —
Быть можетъ завтра горды Музы,
Съ которыми связалъ я узы,
Благоволятъ меня принять?

Минералогъ.

(С. С. Ан—вой.)

Мое вчерашнее писанье,
При полномъ, искреннемъ желаньи,
Отправить къ Вамъ я не успѣлъ —
Духъ гетатуры подрадѣлъ:
Оно **тринадцатое** было!!! . . .
Вѣдь вотъ тринадцать уже дней
Какъ здѣсь мнѣ голову кружило —
Съ Васъ не сводилъ моихъ очей! . . .
А всё-жъ по формѣ объясниться
Въ любви моей Вамъ я не могъ! . . .
Тому и Муза страхъ дивится —
Трубитъ: „Ахъ, ты — минералогъ!“

Авось сегодняшній денёчекъ
Счастливѣй будетъ для меня —
Въ сердечкѣ Вашемъ уголочекъ
Я завоюю для себя! . . .
Да только вотъ въ чёмъ затрудненье . . .
Не знаю, какъ съ нимъ совладать: —
Красавицы въ свои селенья
Не любятъ старичковъ пускать!

Съ дороги.

(С. С. Ан—вой.)

Готовясь въ путь, владыкамъ Ш—на
Привѣтъ сказалъ я, какъ умѣлъ,
Но Вамъ, цвѣточекъ Траунштейна,
Моихъ излить чувствъ не успѣлъ! . . .
И вотъ онѣ бунтуютъ: просятъ
Скорѣе къ Вамъ ихъ отослать,
И отпускъ къ подписи подносятъ —
Возможно-ль мнѣ ихъ удержать?! . . .

Несутся чувства, пламенѣютъ,
Всё ближе, ближе къ Вамъ ихъ гласъ,
Мечты о прошломъ мной владѣютъ, —
Но я . . . всё далѣе отъ Васъ! . . .

При посылкѣ книжки съ мелкими стихотвореніями.

(Графинѣ А. Д. Бл—вой.)

Я чувствую и понимаю
Ничтожность всю моихъ стиховъ,
Но вы желали — посылаю
Вамъ сборникъ своенравныхъ строфъ.
Я стихотворству не учился
И съ роду (что мнѣ грѣхъ таить!)
„Хорея, — менторъ какъ ни бился, —
„Не могъ отъ ямба отличить!“
Къ тому-жъ, въ углу моемъ укромномъ,
Украдкой пѣсни я писалъ, —
Какъ жрецъ науки, въ званьи скромномъ,
Я о Парнассѣ не мечталъ! . . .
Графиня! Вы вѣдь съ малолѣтства
Привыкли лавры пожинать,
Давно имѣли вы всѣ средства
Цвѣты поэзіи читать! . . .
Вамъ, избалованной судьбою,
Не странно-ль будетъ бросить взоръ
На книжку съ мелочью простою,
Пролистовать невинный вздоръ? . . .
Однако-жъ строго исполняю
Вашъ лестный для меня приказъ . . .
О снисхожденьи умоляю,
Отъ всей души моей, я Васъ!

Благодатное появленіе.

(О. Н. фонъ Эп—дтъ.)

Прошедшій разъ была весна,
Но солнце что-то плохо грѣло,
Ненастье страхъ какъ надоѣло
И жизнь намъ всѣмъ была скучна!
Съ пріѣздомъ вашимъ всё смѣнилось,
Всё пробудилось, расцвѣло,
Вѣнками, розами покрылось,
Блеснуло солнышко въ окно!

Теперь зима . . . Метели, вьюга,
Весь городъ снѣгомъ занесло,
Но вы явились, геній юга, —
И въ Питерѣ опять свѣтло!

Отвѣтъ на анонимное письмо.

(А. Г. Я—би.)

Твой анонимъ я получилъ
Сегодня, противъ ожиданья . . .
Мнѣ складъ его знакомъ и милъ,
Твое письмо — очарованье! . . .
Но сразу я тебя узналъ,
Академической другъ хаты,
Гдѣ ты была нашъ идеалъ,
Гдѣ узы дружбы были святы!
Гдѣ лютыхъ козней злобный гласъ
Надъ головой не разражался,
Гдѣ я съ тобой (и сколько разъ!)
За картами чуть-чуть не дрался!
Гдѣ всё по сердцу было намъ,
Всё чувствомъ искреннимъ дышало,
Къ наукѣ, сладостнымъ мечтамъ —
Всё насъ влекло и призывало! . . .
Запало въ сердцѣ глубоко
О прошлыхъ дняхъ воспоминанье . . .
Теперь и поле широко,
Да мнѣ то ужъ не до мечтанья! . . .
Но, если прежнихъ свѣтлыхъ лѣтъ
Давно какъ будто не бывало,
И лишь отъ нихъ остался слѣдъ, —
Всё-жъ чувство дружбы не увяло! . . .

Твое письмо порукой въ томъ:
Въ нёмъ отраженіе былаго,
Въ нёмъ отблескъ сердце золотаго, —
Съ юморомъ прежнимъ и умомъ!

Души порыву предаваясь,
Спѣшу тебѣ, имъ увлекаясь,
Письмо за подписью послать —
И многи лѣта пожелать!

Сосѣдъ-благодѣтель.

(В. И. Ме—ру.)

Избавленъ я отъ ерунды
Поправкой благосклонной. —
Спасёнъ отъ гибельной бѣды
Рукою благотворной! . . .
Скажите, какъ мнѣ оцѣнить
Такую добродѣтель? . . .
Какъ Васъ, сосѣдъ, благодарить? . . .
Вы просто — благодѣтель!

СИМПАТІЯ.

(А. Г. Я—бл.)

Какъ не сказать, что симпатія
Межъ нами искони царитъ? . . .
О томъ толкуетъ вся Россія
И Муза тоже говоритъ.
Едва письмо мое отправить
Съ посыльнымъ я къ тебѣ успѣлъ
(Спѣша грѣшки мои загладить), —
Какъ твой экспромптъ ко мнѣ влетѣлъ!
Въ одно, вишь, время мы писали,
Ты — острымъ, я — тупымъ перомъ,
Мы объ одномъ и разсуждали: —
О нашемъ времѣ золотомъ! . . .
Прошло оно, не возвратится
Уже къ намъ больше никогда! —
Прошла пора, чему-жъ дивиться? —
Водилось въ мірѣ такъ всегда! . . .
Святое чувство намъ замѣнитъ
Потерю прежнихъ свѣтлыхъ лѣтъ . . .
Твоя намъ дружба не измѣнитъ —
И снова красенъ Божій свѣтъ! . . .

Во время сборовъ въ дорогу, страдающей зубной болью.

(С. С. Ан—вой.)

Своими милыми устами
Благоволили вы сказать,
Что боль зубовъ порой стихами
Мнѣ удавалось излечать! . . .
Вотъ и занёсся я мечтами,
Засѣлъ и даже заперъ дверь, —
Но, вижу, суждено богами
Не пѣть мнѣ пѣсенокъ теперь! . . .
Я чемоданъ свой заправляю,
Весь въ прозаичность погружёнъ,
Да и о томъ ещё вздыхаю,
Что съ вами буду разлучёнъ,
Что съ Ш—номъ срокъ пришелъ проститься,
Что карильёнъ мой прекратится —
И что ужъ больше вамъ не ждать
Стиховъ поэта-суевѣрца,
Котораго быть можетъ сердце
(Судьбы небесъ кто можетъ знать?)
Не будетъ скоро уже биться!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Возвращеніе въ замокъ Ш—нъ 1
2. Солнечные лучи . . . 2
(И. В. Жуковскому.)
3. Не думалъ я! 3
(Я. К. Гроту.)
4. Волшебный островокъ . 5
(Ш—скому Тріо.)
5. Суровая головка . . . 6
(Е. В. Ак—вой.)
6. Юной пѣвицѣ . . . . —
(И. Л. Гр—гъ.)
7. Визитъ къ другу . . . 7
(В. В. Со—ву.)
8. Прошедшія радости . . —
9. Память сердца . . . 8
10. Чудный сонъ 9
(Княгинѣ И. С. Бо—ие.)
11. Запятыя 11
(С. С. Ан—вой.)
12. Тостъ 12
13. Тостъ 15
14. Тостъ 17
15. Приглашеніе 18
(Е. З. Б—нъ.)
16. Тостъ 19
17. Превратности жизни . 22
(С. С. Ан—вой.)
18. Людскія слабости . . . 23
(С. С. Ан—вой.)

Стр.

19. Никогда не отучиться . 25
(С. С. Ан—вой.)
20. Муза въ бѣгахъ . . . 26
(С. С. Ан—вой.)
21. Пожаръ сердецъ . . . 27
(С. С. Ан—вой.)
22. Послѣдній карильёнъ . 28
(С. С. Ан—вой.)
23. На башнѣ звонъ . . . 29
(С. С. Ан—вой.)
24. Не лучше-ль подождать? 30
(С. С. Ан—вой.)
25. Минералогъ 31
(С. С. Ан—вой.)
26. Съ дороги 32
(С. С. Ан—вой.)
27. При посылкѣ книжки съ мелкими стихотвореніями 33
(Графинѣ А. Д. Бл—вой.)
28. Благодатное появленіе . 34
(О. И. фонъ Эн—дтъ.)
29. Отвѣтъ на анонимное письмо 35
(А. Г. Я—би.)
30. Сосѣдъ-благодѣтель . . 36
(В. П. Ме—ру.)
31. Симпатія. 37
(А. Г. Я—би.)
32. Во время сборовъ въ дорогу, страдающей зубной болью 38
(С. С. Ан—вой.)